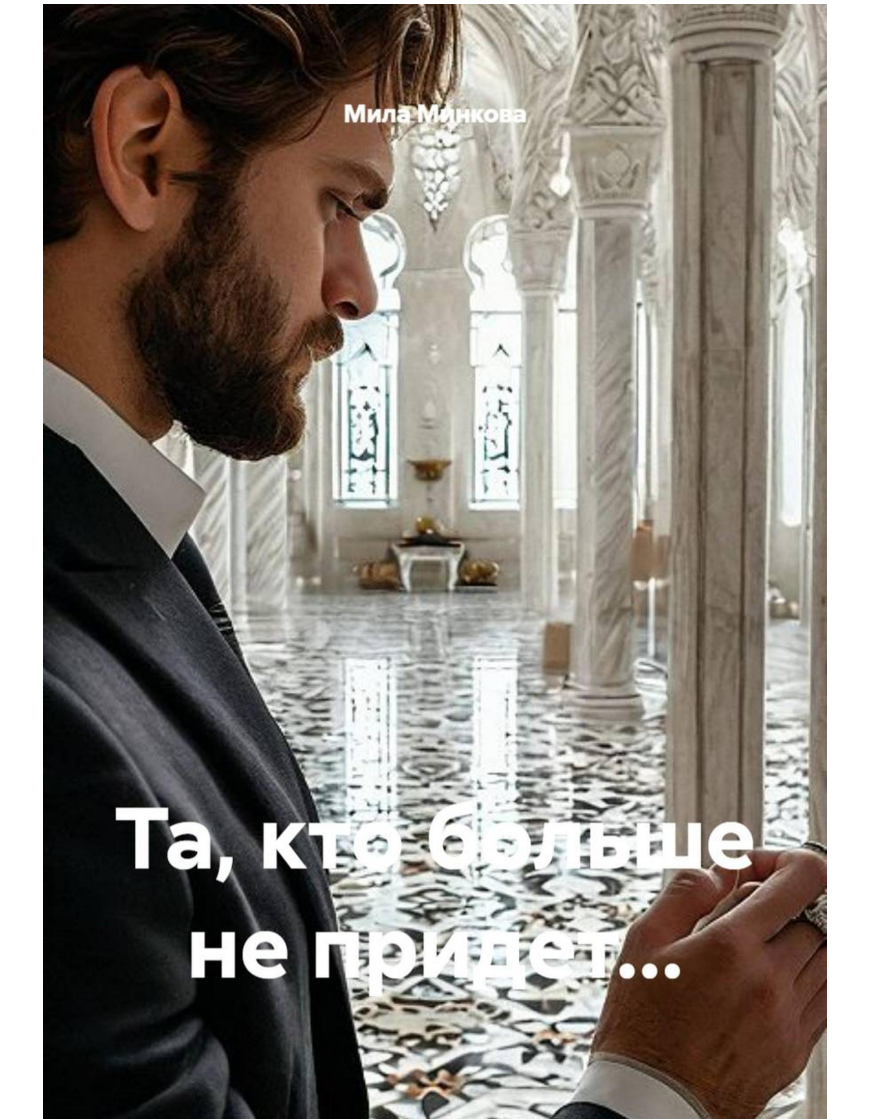

A man with a beard and brown hair, wearing a dark suit and white shirt, is shown in profile, looking down. He is standing in a large, ornate room with high ceilings and intricate architectural details, including columns and arched windows. The floor is covered in a patterned carpet. The lighting is soft and warm, creating a contemplative atmosphere.

Мила Минкова

Та, кто больше
не придет...

Мила Минкова

Та, кто больше не придет...

<https://litres.ru/74379658>

SelfPub; 2026

Аннотация

Убита жена олигарха Виктора Михайловича. Полиция заходит в тупик, но Виктор не намерен ждать. Начав собственное расследование, он понимает, что его покойная супруга, очаровательная Элла, была совсем не той, кем казалась. Ее прошлое — это клубок криминальных тайн, старых связей и смертельных секретов, которые она тщательно скрывала.

От фешенебельных особняков Москвы до мрачных окраин приморского города, от переговоров с мафией до смертельной схватки в Испании — Виктор идет по следу убийцы. Но чем ближе он к разгадке, тем яснее понимает: ее смерть — лишь часть чужой игры, а следующей мишенью может стать он сам. Сможет ли он докопаться до истины, когда каждый, кому он доверял, может оказаться врагом?

Содержание

Глава 1	4
Глава 2	13
Глава 3	21
Конец ознакомительного фрагмента.	33

Мила Минкова

Та, кто больше не придет...

Глава 1

Он стоял в огромном белоснежном зале и смотрел, как по ее руке на мраморную плитку стекала алая кровь. Он не хотел в это верить, но здравый смысл шептал ему, что она мертва и никогда больше не придет к нему ранним утром и не обнимет своими холодными ладошками его сильную руку, не улыбнется, мурлыкая, а затем вальяжно не заварит тот самый вкусный кофе по-турецки с нотами кардамона и шафрана. И доброе утро, больше не станет добрым, потому что она убита. Безжалостно, точно кто-то с огромной ненавистью мстил этому ангелу во плоти. Зачем? За что? И кто? - в голове Виктора Михайловича крутилось много вопросов, но ему нужны были на них ответы и он их найдет, чего бы ему это не стоило.

Тем временем врачи констатировали смерть, и жизнь такой красивой и молодой женщины ушла в небытие, очень скоро никто и не вспомнит о том, что она была на свете, никто, кроме него. Виктор Михайлович любил Эллу, как никого, она была всем для него и тот, кто посмел забрать его игрушку поплатится за это.

Он уверенно сел в кресло и начал восстанавливать картину вчерашнего дня, звонок в 22 часов от Эллы раздался, когда он ехал по Кутузовскому:

- Ты приедешь сегодня? - спросила она слегка встревоженным голосом. Тогда он это списал на волнение, Элла не любила оставаться одна.

- Нет. - ответил он. Дел навалилось много, переночую в городской квартире, а ты, солнце, ложись и спи, я буду мысленно с тобой.

- Если вдруг что-то случится, ты не держи на меня зла, с тобой я всегда была сама собой, наверное это самое важное из всех чувств на Земле.

- Эллочка, что-то случилось?

- Не обращай внимание, хандра напала. До завтра. - поспешила попрощаться она.

Он положил телефон, но тут же раздался еще ворох звонков, он отвлекся и не придавал этому значения.

А что же тогда было на самом деле... В тот вечер Элла встретила гостя из прошлого, из того далекого прошлого, о котором она мечтала забыть. Но все же будем действовать по порядку.

Виктор Михайлович познакомился с Эллой по телефону, она позвонила ему, ошибшись номером, он влюбился в ее голос, навел справки, случайная встреча, шикарные букеты, томные взгляды, посещение мероприятий и так день за днем он стал понимать, что эта и есть та единственная женщина,

которая нужна ему. Через полгода он сделал Элле предложение, она согласилась, но не сразу.

"Заставила ты меня тогда понервничать", - часто шутили они, вспоминая этот эпизод из их жизни. Элла была женщиной-загадкой, не любила много говорить о себе, но всегда с удовольствием слушала о других, была душой любой компании, кроткая, хрупкая и при этом настолько лучезарная, она располагала к себе любого. Без проблем влилась в новое, далеко непростое общество Виктора Михайловича, завела себе приятельниц и стала заниматься благотворительностью, что у нее получалось довольно таки неплохо.

Виктор Михайлович поднял взгляд от мраморной плитки. Алая лужа уже начала темнеть по краям, впитываясь в камень, словно сама земля жадно пила эту жизнь. Осколки кофейной чашки — той самой, из которой Элла каждое утро пила свой кофе с кардамоном и шафраном, — валялись в луже, и белый фарфор казался лепестками погребального венка.

Где-то на втором этаже хлопнула дверь — приехала полиция.

Первым в зал вошел невысокий мужчина в мятом сером пальто. Он окинул помещение быстрым цепким взглядом, задержался на теле, затем перевел глаза на Виктора. Представился сухо, без тени сочувствия:

— Капитан Малахов. Следственный комитет.

Виктор Михайлович знал этот тип людей. Их не впечатля-

ли ни деньги, ни фамилии, ни власть. Они видели слишком много трупов, чтобы удивляться чему-либо, и слишком много вранья, чтобы верить кому-либо на слово. Малахов был именно таким — с прищуренными глазами, с крепко сжатыми губами, с блокнотом, который он держал так, словно тот был оружием.

— Ваша жена? — спросил Малахов, кивая на черный пакет, в который только что уложили Эллу.

— Невеста, — поправил Виктор Михайлович. Голос его звучал ровно, хотя внутри все клокотало. — Мы должны были пожениться через месяц.

Малахов коротко кивнул, что-то пометил в блокноте.

— Причина смерти предварительно — тупая травма головы. Несколько ударов. Судмедэксперт скажет точнее. — Он поднял глаза на Виктора. — Вы ночевали не здесь?

— Нет. Я был в городской квартире. Приехал утром, когда мне позвонила домработница.

— Во сколько?

— В семь сорок пять.

Малахов снова кивнул, записал. Затем оглядел зал: белоснежные стены, хрустальная люстра, итальянский мрамор. На секунду в его глазах мелькнуло что-то похожее на презрение — или, быть может, на скепсис. Люди с таким достатком обычно имеют врагов. И такие враги обычно умеют замечать следы.

— Присаживайтесь, Виктор Михайлович. Поговорим.

Они сели в гостиной — Виктор в кресло, из которого вчера разговаривала Элла, Малахов напротив, на диван. Капитан раскрыл блокнот, щелкнул ручкой.

— Расскажите, что Вы знаете о вчерашнем вечере.

Виктор Михайлович сцепил пальцы в замок. Спокойно, без эмоций — сейчас нельзя было показывать слабость. Он отвечал четко, по-деловому, словно докладывал на совете директоров: звонок в двадцать два ноль-ноль, ее голос — встревоженный, странные слова о том, чтобы он «не держал зла», его решение остаться в городе.

— Странно, — заметил Малахов, когда Виктор закончил.

— Женщина говорит вам что-то вроде прощания, а вы не придали этому значения. Не показалось странным?

Виктор Михайлович выдержал его взгляд.

— Она была эмоциональной. Иногда говорила странные вещи. Я думал, это хандра.

— Хандра, — повторил Малахов, словно пробуя слово на вкус. — И вы не пытались перезвонить?

— Пытался. В двадцать три часа. Она не ответила. Я решил, что она уснула.

Малахов захлопнул блокнот, посмотрел на Виктора долгим изучающим взглядом.

— Хорошо. Если понадобится — вызовем.

Он встал, но на пороге обернулся:

— И еще, Виктор Михайлович. Я понимаю, кто вы. У вас деньги, связи, власть. Вы можете нанять лучших адвокатов,

частных детективов, кого угодно. Но это мое дело. И я его раскрою. С вашей помощью или без нее.

Виктор Михайлович не ответил. Только кивнул.

Малахов ушел, и через несколько минут за ним ушли остальные — судмедэксперт, оперативники, полицейские с камерами. Дом опустел, только домработница тихо плакала на кухне, не решаясь выйти.

Виктор Михайлович остался один в белоснежном зале.

Черный пакет унесли. Мраморную плитку уже отмывали, и вода с розоватым оттенком стекала в дренажное отверстие под окном. Осколки чашки собрали в пакет для улик. Алая лужа исчезла, но в памяти Виктора Михайловича она останется навсегда.

Он стоял посреди зала, смотрел на чистое белое пятно на полу, где еще несколько часов назад лежала та, кого он любил больше жизни. Сердце его билось ровно, но где-то глубоко внутри, в самой темной части души, что-то взорвалось. Словно лопнула струна, натянутая до предела.

Это была не просто ярость. Не просто горе.

Это была решимость.

Виктор Михайлович подошел к бару, налил себе виски. Выпил залпом, не чувствуя вкуса. Поставил стакан на стойку и посмотрел на свое отражение в зеркальной панели. Глаза его были спокойны — слишком спокойны. Так выглядит человек, который принял решение, от которого уже не отступится.

— Я найду тебя, — произнес он вслух, обращаясь к пустоте. — Кто бы ты ни был. Я найду тебя и заставлю заплатить.

Он говорил тихо, почти шепотом, но каждый звук падал в тишину дома, как камень в воду, расходясь кругами.

Он поднялся в спальню Эллы. Там еще пахло ею — ее духами, ее шампунем, ее теплом. На тумбочке лежала книга, заложённая закладкой на середине. На подушке остался длинный темный волос. Виктор Михайлович взял его, посмотрел на свет, затем аккуратно свернул в платок и положил во внутренний карман пиджака.

Он открыл шкаф, провел рукой по ее платьям. Шелк, шифон, лен — все это теперь навсегда останется без нее. На нижней полке стояла коробка с ее украшениями. Он поднял крышку и замер: поверх бархатной подложки лежала фотография, которую он никогда не видел. На ней Элла была совсем молодой — лет восемнадцати, с короткими волосами, улыбалась в камеру. Рядом с ней стоял мужчина, лица которого Виктор не мог разглядеть — снимок был обрезан. Только рука, лежащая на ее плече, и обручальное кольцо на безымянном пальце. Кольцо, которое Виктор ей не дарил.

Он перевернул фотографию. На обратной стороне дрожащим почерком было выведено: «Прости меня. Я никогда не должна была говорить тебе правду».

Виктор Михайлович долго смотрел на эти слова. Затем аккуратно положил фотографию обратно в коробку, закрыл крышку.

Он не знал, что это значит. Но он был уверен в одном: разгадка этой истории начинается не сегодня и не вчера. Она начинается задолго до того, как Элла вошла в его жизнь.

— Кто ты, Элла? — прошептал он в тишину комнаты. — И от чего ты пыталась меня защитить?

Ответа не было. Только ветер стучал в окно, и где-то далеко, за городом, начинал накрапывать дождь.

Виктор Михайлович спустился вниз, налил себе еще виски. Затем прошел в кабинет, сел за стол и открыл ноутбук. Он начал составлять список: люди, которых он знал, связи Эллы, события последних месяцев. Он был методичен и холоден — так он вел свои дела. Так он теперь будет вести расследование.

Первая вспышка ярости прошла. Осталась только стальная, ледяная решимость.

Он достал телефон и набрал номер своего человека в одном из закрытых ведомств.

— Мне нужна информация на женщину по имени Элла Эдуардовна Савицкая. Вся. До последней строчки.

Положил трубку. Посмотрел на темное окно, в котором отражался его собственный силуэт — одинокий, жесткий, непреклонный.

— Игрушку, — повторил он вслух, вспоминая свои же слова. — Ты посмел забрать мою игрушку.

Он усмехнулся — безрадостно, холодно.

— Ты не знаешь, с кем связался.

Дождь начался сильнее. Он барабанил по стеклу, смывая следы крови, но не память. Память останется.

Виктор Михайлович не сомкнул глаз до рассвета. Он работал, планировал, строил схемы. К утру на его столе лежал первый черновой план расследования, написанный от руки, — так, как он делал в молодости, до того как стал тем, кем стал.

Черный пакет увезли. Эллы больше не было.

Но он найдет того, кто это сделал.

Он найдет и уничтожит.

Глава 2

Городская квартира Виктора Михайловича на Остоженке встретила его тишиной. Бежевые стены, кожаный диван, панорамные окна с видом на Москву-реку — всё здесь было стерильным, чужим. Он ненавидел это место. Купил его пять лет назад исключительно для рабочих встреч, когда не хотел пускать деловых партнеров в дом, где жила Элла. Теперь эта квартира стала его убежищем — и его тюрьмой.

Виктор Михайлович прошел на кухню, налил воды из графина. Руки его слегка дрожали — первый раз за долгое время. Он сел за стол, положил перед собой телефон и попытался восстановить события вчерашнего дня. Каждую минуту. Каждую секунду.

Кутузовский проспект, двадцать один пятьдесят восемь. Он вел машину сам, без водителя — иногда любил оставаться наедине с собой после долгих переговоров. Вечер был теплый, сентябрьский, и Москва казалась почти уютной в свете фонарей. Он думал о сделке с нефтяной компанией, о завтрашнем совете директоров, о том, что надо бы позвонить Элле — она всегда ждала его звонка перед сном.

Телефон зажужжал в подстаканнике.

Элла.

Он взял трубку, улыбнулся — невольно, привычно.

— Привет, солнце.

— Ты приедешь сегодня? — Голос ее был необычно тихим, словно она боялась говорить громко.

Словно боялась, что кто-то услышит.

— Нет, — ответил он, перестраиваясь в правый ряд. — Дел навалилось много. Переночую в городской квартире. А ты, солнце, ложись и спи. Я буду мысленно с тобой.

Пауза. Длинная. Слишком длинная. Тогда он не обратил внимания, но сейчас, вспоминая, Виктор Михайлович понял: в этой паузе было что-то важное. Элла будто собиралась с силами.

Или прощалась.

— Если вдруг что-то случится, — сказала она, и голос ее дрогнул, — ты не держи на меня зла. С тобой я всегда была сама собой. Наверное, это самое важное из всех чувств на Земле.

Он нахмурился. Сбросил газ.

— Элочка, что-то случилось?

— Не обращай внимания, — она почти заставила себя улыбнуться — он слышал это в интонации. — Хандра напала. До завтра.

— До завтра, — ответил он, но она уже отключилась.

Виктор Михайлович положил телефон на соседнее сиденье. Хандра. Он поверил. Он всегда ей верил, потому что она никогда не давала повода не верить.

Но сейчас, сидя в стерильной кухне и глядя на темную Москву за окном, он понимал: это был не звонок хандры.

Это был звонок прощания. Она знала. Она чувствовала, что что-то произойдет.

Он закрыл глаза и попытался вспомнить вторую часть вечера.

Двадцать два часа десять минут. Он подъехал к дому на Остоженке, припарковался на подземной стоянке. Вышел из машины, взял портфель, поднялся на лифте. В коридоре столкнулся с соседом — генералом в отставке, они обменялись короткими приветствиями. Двадцать два часа пятнадцать минут — он вошел в квартиру, снял пиджак, включил телевизор. Новости. Потом — душ. Потом — еще один взгляд на телефон.

И тут он увидел пропущенный звонок.

Двадцать два часа ноль три минуты.

Элла.

Она позвонила через три минуты после того, как они закончили разговор.

Виктор Михайлович нахмурился, глядя на экран. Она никогда не перезванивала сразу. Если она говорила «до завтра», это значило «до завтра». Но в тот вечер она позвонила снова. Три минуты.

Что-то произошло в эти три минуты?

Он перезвонил. Гудок. Второй. Третий. Четвертый. Автоответчик.

— Элла, — сказал он в трубку, стараясь звучать спокойно, — ты звонила? Я перезваниваю.

Напиши мне.

Он положил трубку. Подождал пять минут. Десять. Пятнадцать. Сообщения не было. Он списал это на то, что она уснула. Он всегда списывал всё на что-то безобидное. Он привык ей доверять.

Господи, каким же он был идиотом.

Виктор Михайлович открыл глаза. Кухня была погружена в полумрак — он так и не включил свет. Только уличные фонари отбрасывали желтоватые полосы на столешницу.

Он взял телефон и снова открыл историю звонков.

Второй звонок — двадцать два ноль три. Длительность — девять секунд.

Девять секунд. Что она хотела сказать за девять секунд? Что-то важное? Или просто передумала и хотела предупредить его о чем-то? Или кто-то другой взял ее телефон и позвонил?

Виктор Михайлович откинулся на спинку стула. Внутри разрасталось холодное, липкое чувство — смесь вины и ярости. Если бы он перезвонил ей сразу, если бы не отвлекся на новости, если бы он почувствовал что-то неладное...

Он сжал стакан так, что побелели костяшки пальцев. Затем медленно разжал пальцы, поставил стакан на стол. Глупо себя винить. Элла мертва, и виноват в этом не он. Виноват тот, кто вошел в дом и убил ее. И этот кто-то, возможно, позвонил с ее телефона через три минуты после их разговора.

Эта мысль была как удар током.

Виктор Михайлович поднялся, прошел в спальню, открыл ящик комода. Там, под стопкой рубашек, лежал второй телефон — старый, «кнопочный», который он купил много лет назад для чрезвычайных ситуаций. Он включил его, дождался загрузки и набрал номер Эллы.

— Абонент временно недоступен, — ответил механический голос.

Конечно. Телефон был изъят полицией как улика. Но Виктор Михайлович знал: пройдет немного времени, и он получит доступ к этому телефону. У него были свои люди. Вопрос был в другом — успеет ли он раньше полиции.

Он вернулся на кухню, сел за стол и положил перед собой записную книжку. На чистой

странице он вывел три строки:

22:00 — звонок Эллы. «Если вдруг что-то случится...»

22:03 — звонок Эллы. Длительность 9 секунд. Пропущен.

07:45 — звонок домработницы. «Элла мертва».

Между вторым и третьим звонком — почти десять часов. Что происходило в доме в эти десять часов? Кто приходил? Кто уходил? Камеры наблюдения на поселке — работали? Он уже отдал распоряжение своему помощнику запросить записи. Но пока — ничего.

Виктор Михайлович отложил ручку. Он вспомнил слова Малахова: «Вы можете нанять лучших адвокатов, частных детективов, кого угодно. Но это мое дело». Наивный. Он не понимал, с кем говорит. Виктор Михайлович не нанимал

частных детективов — он сам был детективом, когда это было нужно. Он строил империю с нуля, прошел путь от мелкого брокера до владельца нефтяного холдинга. Он знал, как находить людей. Как находить правду. Как заставлять людей говорить.

Он поднялся, прошел в кабинет. На столе стоял ноутбук, к которому Элла имела доступ, когда приезжала с ним в городскую квартиру. Он открыл его. Пароль — ее день рождения. Он ввел его — и экран загорелся.

Виктор Михайлович начал просматривать файлы. Ничего необычного: фотографии, документы, письма. Но потом он наткнулся на папку с названием «Для Вити». Внутри был один документ — текстовый файл, созданный вчера в двадцать один сорок семь. За тринадцать минут до ее первого звонка.

Он открыл файл.

«Витя. Если ты читаешь это, значит, я не ошиблась. Я всегда знала, что этот день может наступить. Я не говорила тебе всего о себе, потому что боялась. Боялась, что ты отвернешься, когда узнаешь правду. Но я хочу, чтобы ты знал: ты был самым светлым, что случилось в моей жизни. Ты — единственное, о чем я не жалею. Прости меня за все. И не ищи его. Пожалуйста.

Он опаснее, чем ты можешь себе представить. Я люблю тебя. Элла»

Виктор Михайлович перечитал письмо трижды.

Руки его дрожали — от ярости, от боли, от ледяного холода, который заползал в грудь.

«Не ищи его».

Он усмехнулся. Горько, зло.

— Прости, солнце, — сказал он в тишину. — Но я найду его. И я уничтожу его. Так, как он уничтожил тебя.

Он закрыл файл. Затем открыл браузер. В истории поиска — запрос от вчерашнего вечера, двадцать один тридцать пять:

«Как изменить имя и фамилию в документах без смены паспорта»

Виктор Михайлович замер.

Элла искала эту информацию за двадцать пять минут до смерти.

Он откинулся в кресле и долго смотрел на экран.

Она готовилась. Она знала, что ее ищут. И она пыталась стать кем-то другим — но не успела.

— Кто ты, Элла? — прошептал он в темноту. — Кем ты была до того, как я встретил тебя?

Ответа не было. Только дождь барабанил по стеклу — настойчиво, как секундная стрелка, отсчитывающая время, которое уходило сквозь пальцы.

Виктор Михайлович взял телефон и набрал номер своего человека.

— Мне нужна информация на женщину по имени Элла. Проверьте всё: документы,

регистрацию, браки, судимости. И еще — найдите мне всё о человеке, который мог быть ее мужем до меня. Возраст — около тридцати пяти, возможно, с криминальным прошлым.

Он положил трубку и посмотрел на фотографию Эллы на столе — в серебряной рамке, где она смеялась, запрокинув голову, и ветер развеивал ее волосы.

— Я найду тебя, — повторил он. — Кто бы ты ни был.

За окном дождь усилился. Где-то вдалеке мигнула молния. Виктор Михайлович сидел в темноте, и впервые за долгие годы на его глазах выступили слезы — но он их не замечал.

В нем осталась только решимость.

И холод.

Глава 3

День после убийства. Утро, которого не должно было быть. Виктор Михайлович не спал — он сидел в кабинете, уставившись в одну точку на стене, где висела картина с видом на Санторини. Элла любила эту картину. Она говорила, что там, на белых улочках, она впервые почувствовала себя свободной. Он купил ее на аукционе за триста тысяч долларов, просто чтобы увидеть, как загорятся ее глаза.

Сейчас картина казалась насмешкой.

Домработница Надя, обнаружившая тело, позвонила ему в семь сорок пять. Ее голос дрожал так сильно, что Виктор Михайлович сначала не понял, что она говорит. Потом до него дошло: «Элла мертва». Он не помнил, как добрался до дома в Подмосковье. Не помнил, как разговаривал с полицией.

Он не плакал. Тогда. Сейчас он тоже не плакал — только сидел и смотрел на Санторини.

Следователь Малахов разрешил ему забрать личные вещи Эллы — «то, что не является уликами». Коробка стояла на столе с прошлого вечера. Виктор Михайлович наконец заставил себя открыть ее. Сверху лежал ее ежедневник в кожаном переплете — она всегда писала в нем, хотя и не позволяла ему заглядывать. «Это мои мысли, Витя. Не все мысли предназначены для чужих глаз». Он уважал ее личное пространство. Уважал настолько, что теперь чувствовал себя предателем, открывая эту тетрадь. Но он открыл. Почерк Эллы — аккуратный, с наклоном влево. Виктор Михайлович знал: такой почерк бывает у людей, которые сознательно скрывают что-то от окружающих. Ему говорил об этом эксперт-графолог, которого он нанимал для проверки деловых партнеров. Тогда он посмеялся над этим наблюдением. Сейчас — нет. Он пролистал страницы. Записи были обычными: встречи, обеды, списки покупок. Ничего личного, ничего странного. До последней страницы, где

карандашом было выведено:

«Он нашел меня. Он знает, где я. Если он придет — я не успею. Прости меня, Витя»

Слова были написаны неровно, наспех. Виктор Михайлович почувствовал, как воздух застревает в горле.

«Он нашел меня». Не «оно». Не «что-то». «Он».

Значит, Элла знала своего убийцу. Или, по крайней мере, знала, что он существует.

Виктор Михайлович положил ежедневник на стол и закрыл глаза.

Воспоминания хлынули, как вода через прорванную плотину.

Он встретил ее четырнадцать месяцев назад. Двадцать второе июня, поздний

вечер. Он возвращался с переговоров в Петербурге и листал телефон, когда

поступил звонок с незнакомого номера. Обычно он не брал трубку — для этого

были помощники. Но что-то его остановило. Что-то подсказало нажать зеленую

кнопку.

— Алло? — ответил он.

— Ой, — женский голос был растерянным и мелодичным

одновременно. —

Простите, я, кажется, ошиблась номером.

— Ничего страшного, — сказал он, почему-то улыбнувшись. — С кем хотели поговорить?

— С подругой. У нее день рождения. Я хотела поздравить, а попала к вам. —

Она тихо засмеялась. — Наверное, судьба.

— Судьба ошибаться номерами?

— Судьба — это когда ошибки приводят к правильным встречам.

Он не знал, что ответить. Он, привыкший контролировать каждый разговор,

каждую минуту своей жизни, вдруг растерялся. Голос в трубке был теплым,

живым — таким, каких он не слышал среди деловых партнеров и светских знакомых.

— Меня зовут Виктор, — сказал он.

— А меня Элла. — Она снова засмеялась. — Как в кино про «Покровские ворота». Только я не такая стерва.

Они проговорили двадцать минут. Она рассказывала о своем дне, о книге,

которую читала, о коте, который жил у нее во дворе и которого она

подкармливала. Он слушал и не верил, что такое бывает. Случайный звонок.

Ошибка оператора. И голос, в который он влюбился за две минуты.

Тогда Виктор Михайлович не знал, что этот звонок был не случайным. Он

узнает это позже — гораздо позже. Но в тот вечер он чувствовал себя

мальчишкой, впервые влюбившимся в одноклассницу.

На следующее утро он нанял детектива, чтобы выяснить, кто она. Это была его

привычка — проверять людей, которые входили в его жизнь. Детектив вернулся

через три дня. «Элла Сергеевна Ковалева, тридцать четыре года, работает

дизайнером интерьеров, живет на Патриарших, разведена, детей нет,

родственников в Москве нет. Чистая биография». Виктор Михайлович удивился.

Чистых биографий не бывает. Но он поверил.

Случайная встреча. Он спланировал ее, как операцию. Узнал, что она ходит на

выставку в Мультимедиа Арт Музей — она упоминала об этом в разговоре. Он

подошел к ней у входа, сделал вид, что удивлен.

— Элла?

Она обернулась. И он потерял дар речи.

Она была прекрасна. Не модельной красотой — живой, настоящей. Темные

волосы, собранные в небрежный пучок, карие глаза с искорками, легкая улыбка,

которая делала лицо теплым. Она была одета в простое бежевое платье — но

держалась так, словно на ней было вечернее платье от кутюр.

— Виктор? — Она прищурилась. — Неужели?

— Я здесь по делам. — Он улыбнулся. — Но, кажется, дела могут подождать.

Она засмеялась. Они пошли на выставку вместе, потом — в кафе неподалеку.

Потом — гуляли по набережной до полуночи. Она рассказывала о своей работе,

о том, как переделывала квартиры в центре Москвы, как мечтала о собственном

бюро. Он слушал и понимал, что тонет. Медленно и необратимо.

Через месяц он подарил ей букет белых пионов — она сказала, что это ее

любимые цветы. Через два — пригласил на благотворительный вечер в

Мариинский театр. Через четыре — она переехала к нему в дом в Подмосковье.

Через шесть — он сделал предложение.

Виктор Михайлович помнил этот вечер до мельчайших деталей. Ужин при

свечах, шампанское «Кристалл», кольцо с бриллиантом в четыре карата, которое

он заказывал три месяца. Он опустился на одно колено — он, который никогда

ни перед кем не вставал на колени, — и сказал:

— Элла, я не знаю, как я жил без тебя. Выходи за меня.

Она молчала.

Секунду. Две. Три. Его сердце стучало так громко, что он был уверен — она

слышит.

— Я не знаю, — прошептала она наконец. — Я не знаю, правильно ли это.

Он засмеялся — от облегчения. Потом поцеловал ее руку.

— Ты заставила меня понервничать, — сказал он, когда она наконец кивнула. —

Я думал, ты откажешь.

— Я думала об этом, — честно ответила она. — Но потом поняла, что не могу.

Позже, когда они лежали в темноте, она сказала странную вещь:

— Ты не знаешь меня, Витя. Ты знаешь ту, кем я стала с тобой. А я была другой.

Он притянул ее к себе.

— Мне не важно, кем ты была. Важно, кто ты сейчас.
Она промолчала.

И сейчас, вспоминая этот разговор, Виктор Михайлович понимал: она пыталась предупредить его. Она хотела рассказать правду. Но он не дал ей — он заткнул ее поцелуем, уверенный, что прошлое не имеет значения. Прошлое имеет значение. Оно всегда имеет значение. Домработница Надя обнаружила тело Эллы в спальне, рядом с разбитой вазой.

В квартире не было следов взлома. Замки целы, сигнализация не сработала. Это означало одно: Элла сама впустила убийцу. Или убийца был тем, кого она не боялась.

Малахов сказал, что причина смерти — тупая травма головы. Несколько ударов. Что убийца ушел через черный ход, и камеры на заднем дворе, к несчастью, не работали — их отключили за два дня до убийства.

Совпадение? Виктор Михайлович не верил в совпадения. Он перебрал содержимое коробки. Ежедневник. Косметичка. Пара сережек.

Фотография в рамке — они на пляже в Дубае, она смеется, он обнимает ее.

Книга — последний роман Пелевина с закладкой на середине. Дорожная

шкатулка с украшениями.

И тут он увидел.

В самом низу коробки лежала фотография, которую он никогда не видел.

Старая, потрепанная по краям, с загнутым углом. На ней — молодая женщина с

темными волосами. Элла. Но моложе, лет на десять. Она стояла на фоне моря, в

простом белом сарафане, и улыбалась. Рядом с ней — мужчина. Высокий,

светловолосый, с волевым подбородком. Он обнимал ее за плечи —

собственническим жестом. На его безымянном пальце блестело обручальное

кольцо.

Виктор Михайлович перевернул фотографию. На обратной стороне

выцветшими чернилами было написано:

«Мыс Фиолент. 2018. Навсегда»

«Навсегда».

Виктор Михайлович долго смотрел на эту надпись. Потом перевернул

фотографию обратно и всмотрелся в лицо мужчины. Молодое, дерзкое,

уверенное. Похоже на снимок с отдыха, куда они ездили вместе. Значит, Элла

была замужем. Он знал, что она разведена. Но она никогда не говорила о муже.

Никогда. Даже имени его не упоминала.

— Кто ты? — прошептал Виктор Михайлович, глядя на незнакомца. — Кто ты был для нее?

Он отложил фотографию и снова запустил руку в коробку. Пальцы наткнулись на маленький бархатный мешочек. Он развязал его и вытряхнул содержимое на ладонь.

Обручальное кольцо. Простое, золотое, с выгравированной надписью изнутри.

Виктор Михайлович поднес его к свету.

«С. и Э. 14.02.2016»

Сердце пропустило удар.

14 февраля 2016 года. Элла вышла замуж за человека с инициалом «С». Через

три месяца их отношения с Виктором — это было бы ее вторым браком? Или

она так и не развелась с ним?

Он надел кольцо на мизинец — оно было мало. Взял фотографию и внимательно

посмотрел на руку мужчины. Кольцо на его пальце было широким, массивным.

Возможно, мужским вариантом этого.

Виктор Михайлович положил кольцо на стол. Его руки снова дрожали.

— Элла, — сказал он в тишину, — что ты от меня скрывала?

Он открыл ноутбук, вошел в свою рабочую почту и написал короткое письмо

начальнику службы безопасности:

«Найди все, что можно, о женщине по имени Элла Ковалева, ранее

предположительно Э. (фамилия неизвестна). Брак — 14.02.2016. Муж —

инициал «С». Возможные места проживания — Крым, Севастополь,

Фиолент. Найди мне его имя. Найди мне его всё».

Он нажал «Отправить» и откинулся в кресле. За окном темнело — дождь не

прекращался весь день. Виктор Михайлович смотрел на фотографию, на кольцо,

на ежедневник с предсмертными словами.

Элла была женщиной-загадкой. Он всегда это знал. Он даже любил это в ней —

ее умение хранить тайны, ее недосказанность, ее способность быть разной. Он

думал, что это делает ее интересной.

Теперь он понимал: это делало ее опасной.

И тот, кто отнял ее у него, был частью этой опасности.

Виктор Михайлович взял телефон, нашел номер частного детектива, с которым работал много лет назад.

— Мне нужна помощь, — сказал он. — Дело касается моей жены. Она убита. И я думаю, что ее убийца знал ее раньше, чем я.

Пауза.

— Я возьмусь, — ответил голос в трубке. — Но цена будет высокой.

— Мне плевать на цену.

Виктор Михайлович положил трубку и посмотрел на фотографию незнакомца с Эллой на мысе Фиолент.

— Я найду тебя, «С», — прошептал он. — И ты расскажешь мне все. А потом — пожалеешь, что родился на свет.

Дождь стучал по стеклу. В доме было темно и холодно. Виктор Михайлович сидел неподвижно, и в его глазах горел тот самый холодный огонь, который

когда-то помог ему построить империю.

Теперь этот огонь был направлен на другое. На

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.